

Алекс Маркман

Исповедь нераскаявшегося

*Часть сборника
Заблудшие души (сборник)*

Алекс Маркман

Исповедь нераскаявшегося

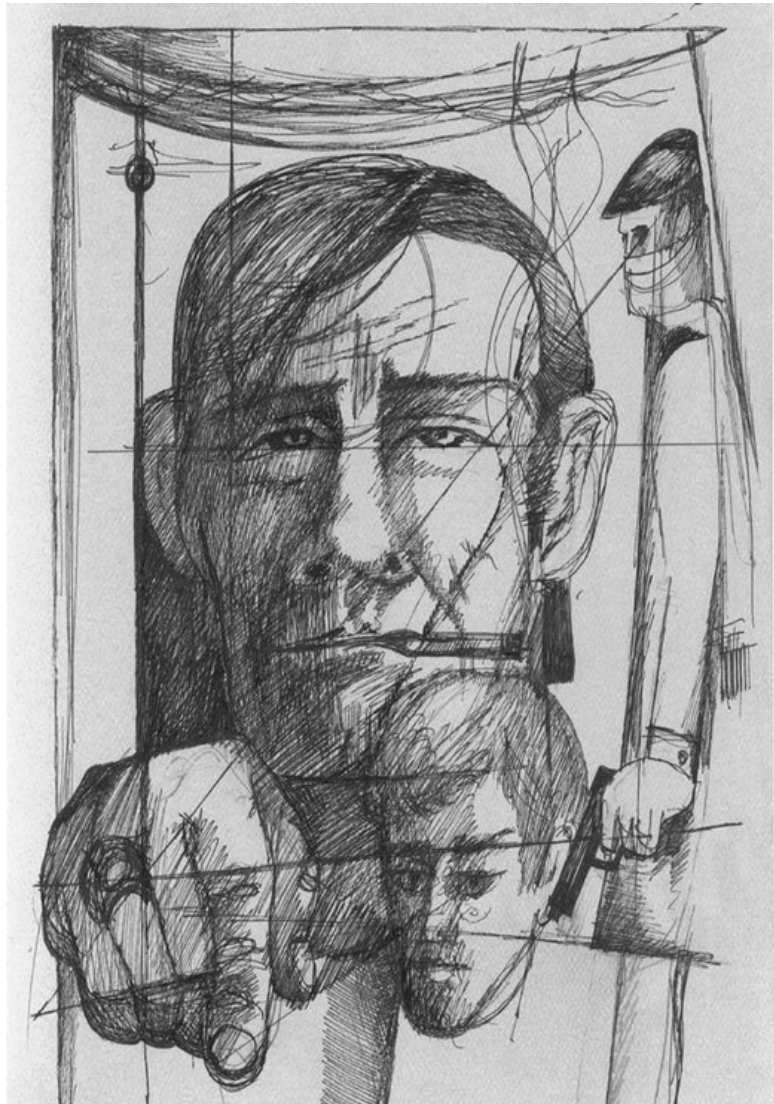
Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4950571

ISBN 978-1-926720-30-2

Аннотация

«Исповедь нераскаявшегося» – это история о любви, верности и жестоких расправах. Главный герой рассказа никогда не совершал преступлений и не нарушал библейских заповедей. Но настал момент, когда ради любви пришлось их переступить и поставить на карту судьбу и жизнь.

Алекс Маркман

Исповедь нераскаявшегося

В это теплое, ласковое утро уходящего бабьего лета нищий, сидевший на тротуаре напротив продуктового магазина перед шапкой для подаяния, никак не ожидал, что окажется в центре событий, взволновавших весь наш город. В такой день люди обычно становятся добрее и снисходительнее, и нищий, в ожидании щедрот, кланялся всем, как подающим, так и просто проходящим мимо, крестился когда падали монетки и говорил заученную фразу: Дай тебе Бог счастья. Он очень удивился, когда увидел перед собой хорошо отглаженные черные брюки и не сочетающиеся с ними коричневые старые ботинки. Кто мог задержаться около него? Обычно те, что бросают милостыню, не останавливаются ни на секунду. Нищий поднял голову и увидел лицо человека лет тридцати пяти, с темной, аккуратно подстриженной бородой и усами, и свисающей на лоб челкой густых волос.

– Ты в церковь ходишь, старик? – спросил он нищего.

– Хожу, – ответил нищий.

– Помолись за мою душу в церкви, – сказал человек с бородой и бросил ему в шапку пять рублей. Нищий вздрогнул от неожиданности и почувствовал какой-то непонятный страх. Таких денег ему не собрать и за целый день!

– Помолюсь, – пообещал он, схватил деньги и спрятал в

карман. – А кто ты, добрый человек? Как тебя зовут? – Добрый человек, стоявший перед ним, часто оглядывался назад, бросая взгляды в сторону магазина.

– Это тебе знать не обязательно, – сказал он.

– А какой грех ты совершил, чтобы за тебя молится? – спросил нищий.

– Убийство, – хладнокровно сказал добрый человек.

– Убийство? – испуганно переспросил нищий. – Когда?

– Сейчас совершу, – все так же хладнокровно произнес добрый человек. Нищий в ужасе перекрестился, и уж совсем стал терять рассудок когда человек, стоявший перед ним, вдруг снял бороду, усы и густую шевелюру и положил парики в карман. Перед нищим очутился наголо стриженный молодой парень лет двадцати пяти с худым, изможденным и очень злым лицом.

– Запомни меня и помолись за грешника, – сказал он. – Больше некому помолиться. – Он резко повернулся и сделал несколько быстрых шагов в сторону магазина, из которого вышел мужчина с очень грубым лицом, обе щеки которого были обезображены толстыми шрамами. Увидев стриженного парня он застыл, как изваяние, вытаращив глаза от удивления.

– Узнал меня? – спросил добрый человек, и тот, что со шрамами, судорожно дернулся, но было поздно. Добрый человек вытащил из под полы пиджака длинный и твердый столовый нож с рукояткой, обмотанной в тряпку, и воткнул его

в пах человеку со шрамами. Раненый издал раздирающий душу вопль, заставивший прохожих застыть от ужаса. Так может кричать только смертельно раненный. Очевидно, организм чувствует, когда приходит конец и нет пути назад в страну живых. Как потом выяснилось, нож попал прямо в большую артерию, а кровь оттуда хлещет под таким напором, что вся выливается в течение двух – трех минут. Убийца хорошо знал, что делал. Раненный упал на асфальт, страдальчески визжа и зажимая пах руками и ногами. Убийца воткнул ему нож в груд, не заботясь, куда, и оставил в теле. Он положил в карман тряпку, в которую была замотана рукоятка, и быстро, но без нервозности, зашагал прочь. Какая-то женщина выскочила из магазина и, указывая рукой в сторону уходящего убийцы, завизжала, как безумная: – Держите его! Держите же! Это уголовник! Я его знаю! Это мой сосед! – Ее лицо, опухшее от пьянства, тряслось и кривилось, как у юродивой. Никто не послушал ее: кому охота задерживать человека, способного убивать на глазах всего честного народа? Но вот из магазина выскочили двое здоровых парней.

– Где он? – торопливо закричал один из них. – Как он выглядит?

– Стриженный такой, наголо! – продолжала кричать женщина. – Худой. Вон туда пошел. Бегите же! Парни побежали в указанном направлении, но вскоре вернулись ни с чем. К их возвращению люди уже успели вызвать скорую помощь и милицию, которые приехали сравнительно быстро, но ви-

новного не нашли ни в этот день, ни после, а пострадавший умер еще тогда, когда его клали на носилки. Вся эта история подробно описывалась в наших местных газетах, и вызвала много толков и догадок, а до конца никто в этих событиях разобраться так и не смог. Дело усложнялось тем, что подозреваемый – а его легко опознала соседка, которая случайно оказалась поблизости – в это время сидел в тюрьме за другое преступление.

Следователь пригласил женщину и нищего опознать преступника. Удивительно, что больше никого, кто бы толком разглядел обвиняемого, не оказалось. На очной ставке как женщина, так и нищий, пришли в необычайное волнение. Нищий указывал на молодого человека пальцем и бубнил, с дрожью в голосе: – Это он, это он. Он просил за него помолиться в церкви, убивец такой.

Оба свидетеля говорили какую-то несурезицу. Женщина в то страшное утро была с тяжелого похмелья и несла такую противоречивую чепуху, что следователь ничего не стал записывать. Нищий тоже был не лучшим свидетелем. Он утверждал, что к нему подошел человек с бородой, а убил он, когда был побрит и стриженный наголо. Как это изменение произошло, нищий не помнил. Дело прекратили, что и не удивительно. Ведь у парня, которого опознали, было полное и неоспоримое алиби: он в это время сидел в тюрьме по обвинению в другом преступлении. Это, однако, не спасло его от расстрела. Его приговорили к высшей мере наказа-

ния за убийство двоих людей во время вооруженного ограбления. Бандит вошел в дом, где хранились деньги, которые прихожане собирали на строительство новой церкви, убил двух человек, одного за другим, и исчез с деньгами. Найти его удалось совершенно случайно. Он был арестован по какому-то пустяку, а потом сверили его отпечатки пальцев с теми, что были оставлены на месте преступления, и обнаружили полное совпадение. Как утверждали газеты, приговор вскоре был приведен в исполнение.

Вся эта история была вскоре забыта: новые события ворвались в жизнь, появились новые заботы и потрясения, которые стирают память, хранящую прошлое, чтобы записать новое, которое вскоре так же канет в лету. Но вот, много лет спустя, случай напомнил мне об этих событиях, и дал возможность узнать много больше о тех, кто был причастен к этой драме.

Как то раз, находясь по каким-то делам в Москве, я встретил на улице моего друга детских и юношеских лет. Это был разбитной, веселый парень, гуляка и одаренный художник. Мы давно не виделись и потому почти кинулись друг другу в объятия, случайно столкнувшись в Столешниковом переулке.

– Эдик! – удивленно закричал я. – Ты ли это? Боже мой, как растолстел! Виноват, виноват, не так уж растолстел. Конечно же я тоже рад тебя видеть. Ну, ясно, давай соберемся сегодня вечером по этому поводу. Конечно, я найду время

ради такой встречи, тут уж не может быть никаких разговоров. Да, выпьем разумеется. – Эдик куда-то сильно торопился, да и я спешил по делам. Он небрежно написал мне адрес на клочке бумаги.

– Я здесь остановился у одного моего друга, – пояснил Эдик. – Он очень хороший человек, ты можешь чувствовать себя там, как дома. – Эдик сказал, что будет ждать меня с нетерпением сегодня вечером, и на том мы разошлись.

Когда то я считал что Эдик, мой одаренный друг, выбрал себе неправильную профессию. С юношеских лет он мечтал разбогатеть: но ведь это же смех надеяться на это, будучи по-настоящему талантливым художником. Я часто приводил ему в пример Ван Гога, который был одним из самых ярких художников в истории человечества, а продал за всю жизнь только одну картину, да и то по дешевке.

– Хотел ли бы ты войти в историю, как Ван Гог? – спросил я его однажды. – На это он мне возразил, что он не настолько талантлив, и потому у него гораздо больше шансов на финансовый успех. Эдик не хотел творить на потребу коммунистов, но когда денег не стало хватать не только на хлеб, но и на воду, он решил, как он выразился, продать душу дьяволу. И не удивительно: его коллеги с меньшими амбициями зарабатывали неплохо, рисуя портреты Ленина. Они называли этот вид искусства «рисовать Фомича». Один художник даже договорился на оплату в зависимости от площади картины, если она делалась для украшения больших зданий во

время демонстраций.

– Так что-ж, – решил однажды Эдик, – можно временно заняться и этим. – Заказов на плакаты в тот момент не было, но друзья свели его с начальником отдела кадров какого-то завода, готовившегося к заводскому юбилею. Кадровик был бывший военный. Его воображение не улетало за пределы солдатских будней, и он попросил нарисовать Ленина на танке, произносящим свою знаменитую речь по приезду в Россию из эмиграции. Кадровик, однако, посоветовал внести что-нибудь новое в этот сюжет, и Эдик это новое внес. Он нарисовал Ленина стоящим на военной машине, выглядевшей чем-то между Т-34 и «Центурион». Ленин был, конечно, в кепке, и странно размахивал рукой. Начальник отдела кадров вначале сомлел, увидев это произведение. Он разгневался, разнервничался, но вскоре успокоился и попросил переместить Ленина на более архаическую машину, что Эдик и сделал, предварительно ознакомившись с видом бронемашин начала двадцатого века. Начальнику перемена техники понравилась, но он обнаружил, что у Ленина слишком широко открыт рот.

– В конце концов, – заметил кадровик, – Ленин был интеллигентный человек. Не мог он орать, как базарная торговка.

Эдик унес злополучную картину на переделку, пропил весь аванс и закрыл Ленину рот. Кадровик, увидев перемену, удивился: какая может быть речь, если рот закрыт? Нужно

его немного открыть. Да и взгляд у него какой-то ехидный, сощурился, как чучмек. Эдик попросил еще немного денег вперед и в порыве пьяного расстройтва выбросил картину на помойку. На этом его этап коммунистического творчества закончился и он уже совсем было приготовился к голодной смерти, как вдруг случай круто изменил всю его жизнь. Один из художников пригласил его помочь расписывать церковь. Эдик с удовольствием согласился. Он быстро освоил технику, увлекся работой, и вскоре стал нарасхват. Он ездил по всей России и практически не появлялся в нашем городе. Я давно уже потерял его след и редко о нем вспоминал. И вот, такая встреча!

Вечером я пришел по указанному адресу и застал Эдика уже изрядно подвыпившим и веселым.

– Проходи, проходи, друг ситный, – громко заговорил он, не то обнимая, не то подталкивая меня в спину. – Сейчас я тебя кое с кем познакомлю тут, тебе может интересно будет. – Я очутился в просторной комнате, очень хорошо обставленной, посреди которой стоял стол, загруженный едой и бутылками. За столом сидел человек с аккуратно постриженной бородой, седой и заметно полысевший. Он приветливо и спокойно улыбался, и хоть был навеселе, но вполне владел собой, поднялся ко мне навстречу, и представился, уверенно протягивая руку: – Арсений Тимофеевич. – Это было чересчур формально: друзья Эдика обычно называли друг друга просто по уменьшительным именам, как в детстве, даже если

им было за пятьдесят; Юрка, Генка, Петька. Мне это не нравилось, особенно после того как я закончил институт и попал в среду, где панибратство считалось дурным тоном. Но что поделаешь? Богему не переделать, ее нужно принимать такой, какая она есть.

– А это – Гришка, – представил меня Эдик, не дав мне возможности сделать это самому. – Мой друг детства, – пояснил он, как будто этот простой факт оправдывал переход к его обычной манере. – Его мать, – продолжал он, – всегда меня кормила, когда я приходил в гости. Это единственное, что спасало меня от голодной смерти. Я иногда ел по полтора часа, не останавливаясь. Эта добрая женщина всегда удивлялась, как это может столько войти в одного человека. Ее неосведомленность легко объяснима: я был единственный художник, которого она знала лично. Бьюсь об заклад, что Гоген и Моне тоже много ели в период становления их творчества, если, конечно, выпадал случай.

– Ты не меняешься Эдик, – заметил я. – И, как я вижу, содержание алкоголя в твоей крови не меняется с тех пор, как тебе исполнилось шестнадцать лет.

– Гришка говорит витиевато, – пояснил Эдик, обращаясь к Арсению Тимофеевичу. – Он ведь журналист и писатель, а у писателей это нормально, как и у вас, церковников. – Я украдкой кинул взгляд на Арсения Тимофеевича, пытаюсь разглядеть в нем приметы служителя культа.

– Не пытайся так просто определить в нем батюшку, – пре-

дупредил меня Эдик, разливая старку в красивые хрустальные рюмки. И как это он заметил мое любопытство, пьянь такая?

– Вы – служитель церкви? – спросил я, как бы между прочим.

– В некотором роде, – ответил Арсений Тимофеевич. – Я занимаюсь только административными делами, хоть и заканчивал духовную семинарию в Загорске. Давненько это было. Мне порекомендовали Эдуарда как художника, чтобы расписать новую церковь. Его и пригласил к себе, чтобы договориться.

– Представляешь, – вмешался в разговор Эдик, – церковь то находится в нашем городе! Скоро туда поеду, работа там надолго. Часто будем видеться, во погуляем! – Перспектива участвовать в его непрерывных гулянках меня не очень радовала, и я неопределенно хмыкнул.

– Арсений – славный мужик, – не прекращал свою болтовню Эдик. – Я подозреваю, что он атеист. И пьет, как пьют только художники и музыканты. Тебе, как человеку склонному к письму, будет интересно с ним поговорить. Помнишь случай, когда убили несколько человек в семье, собиравшей деньги на новую церковь? Так вот, собрали таки деньги на нее в течение многих лет, и сейчас, наконец, отстроили. Мне ее и расписывать. Давай, Арсений, еще по одной с нами. – Мы снова выпили и, как водится на Руси, стали сразу приятелями, готовыми целый вечер говорить по душам и пове-

дать друг другу самые сокровенные тайны и печали своей души.

– Я помню, страшные события были связаны со сбором денег на эту церковь, – сказал я, обращаясь к Арсению Тимофеевичу. – Все газеты об этом писали. Так, вроде бы, денег и не нашли. Хотя убийцу все-таки поймали и судили, как я помню. Какой отвратительной тварью надо быть, чтобы грабить деньги, предназначенные для церкви! Этот негодяй вполне заслужил расстрел. – Арсений Тимофеевич вдруг нахмурился и потянулся к бутылке. Тут мне показалось, что я сделал не деликатное замечание и заставил себя немного протрезветь.

– Не судите, да не судимы будете, – ответил на мое замечание Арсений Тимофеевич, что меня очень удивило. Я ожидал что угодно, только не такое оголтелое всепрощение.

– Потому что часто нам не дано знать все для того, чтобы судить, – добавил он, и эти слова сильно подстегнули мое любопытство. Тут Эдик поменял тему разговора, перейдя к обсуждению мирских дел и воспоминаний юности, а потом так опьянел, что соскользнул со стула и отправился спать во-свояси.

– Неужели вы готовы простить такого преступника, как тот, что убил семью из-за церковных денег? – спросил я Арсения Тимофеевича, предполагая, что уровень его опьянения позволяет начать более откровенный разговор. Арсений Тимофеевич внимательно на меня посмотрел, как будто хо-

тел спросить: А твое какое дело? Но вместо этого он задал другой вопрос: – В вас говорит любопытство писателя или просто обывателя?

– Я не верю, что существует особое любопытство писателя, – ответил я. – По моему, очень трудно составить связную историю из конкретных событий. Слишком много нужно совпадений, чтобы в них был какой-то философский смысл и последовательность. Наверное, такое любопытство существует у тех, кто хочет что-нибудь написать, но не знает что, а поскольку воображения на выдумку не хватает, писатель пытается найти сюжет в жизни. Кстати, у некоторых это неплохо получается, я имею в виду, их произведения интересно читать, но это, как правило, не художественное произведение. Так что у меня, Арсений Тимофеевич, любопытство обывателя.

– Вы ошибаетесь, Григорий, насчет сюжета, составленного из конкретных событий, – сказал Арсений Тимофеевич задумчиво. – Если бы вы присутствовали на исповедях, вы бы такое услышали, что никакая фантазия художника не в силах придумать. И вы бы обнаружили, что во многих конкретных событиях есть, как вы говорите, цепь случайностей и философский смысл.

– Почему же тогда нет ни одного священника, который бы написал хорошую новеллу? – спросил я. Почему священники не наводняют литературу своими рассказами?

– Писать – это мирское дело, – уклончиво ответил Ар-

сений Тимофеевич. – Каждый делает свое. – Он помолчал несколько секунд, как будто собираясь с мыслями, а потом сказал: – Кстати, я знал одного, который отошел от церкви и действительно записал несколько историй. Но он ничего не опубликовал, и его уже нет в живых.

– И где же его рукописи хранятся? – полюбопытствовал я.

– У меня, – равнодушным тоном ответил Арсений Тимофеевич. Я от волнения встал и, спохватившись, подошел к плите, делая вид, что хочу согреть воду для чая.

– Интересно бы почитать, – сказал я, не оборачиваясь и пытаясь говорить с таким же равнодушием, как и Арсений Тимофеевич.

– Этот батюшка был интересный человек, – сказал Арсений Тимофеевич, делая вид, что не расслышал мою просьбу. – Ему бы мирскими делами заниматься, не церковными. Но не он первый, и не он последний, что избрал жизненный путь, не имеющий ничего общего ни с его наклонностями, ни с его способностями.

– А как ваши замечания относятся к событиям, связанным с постройкой церкви? – осмелился спросить я. К моему удивлению Арсений Тимофеевич не стал уклоняться от обсуждения этой темы.

– Так вот, этот батюшка встречался с обвиняемым, о котором вы говорили, после приговора, – неожиданно сказал он. – Приговоренный к смерти попросил позвать священника для исповеди, вот его и пригласили. Так что у обречен-

ного на смерть был с батюшкой долгий разговор. – Арсений Тимофеевич замолчал, как будто не решаясь продолжать.

– Вас, наверное, связывает долг «тайны исповеди»? – спросил я, решив что молчание слишком затянулось.

– Нет, – отозвался Арсений Тимофеевич. – Исповеди в буквальном смысле и не было. Когда он пришел, приговоренный к смерти так и сказал: – Это, батюшка, не исповедь. Можете все это рассказать после моей смерти, пусть так лет десять пройдет, когда это никого не затронет. – Он и позвал его потому, что хотел чтобы кое-кто узнал правду. У него не было ни родных, ни друзей, да и не мог он ни с кем встретиться. И батюшка обещал временно никому не говорить, а в результате взял на себя большой грех. Очень он после сокрушался, даже заболел. Через несколько лет он отошел, как я уже говорил, от церковных дел, а потом передал мне свои рукописи незадолго до смерти.

– И вы можете его рукописи показать? – спросил я. – В любом случае, это наверное интересная история. – Арсений Тимофеевич вздохнул.

– Могу и показать, – сказал он без энтузиазма. – Только с одним условием: вы прочтете ее здесь, у меня. А если будете об этом писать, измените имена. Хотя сейчас, после бурных событий в стране, никто не станет возвращаться к столь далекому прошлому. Может, это и хорошо.

– Итак... – нетерпеливо сказал я.

– Итак... – повторил Арсений Тимофеевич. – Вы можете

занять диван в той комнате, где расположился Эдуард. Я вам сейчас эту рукопись туда принесу.

Он принес мне толстую тетрадь, исписанную аккуратным почерком. Записи, очевидно, делались в те времена, когда не было компьютеров, и даже пишущие машинки были в дефиците. Арсений Тимофеевич пожелал мне спокойной ночи, я включил лампу, стоящую на журнальном столике, и принялся читать.

* * *

Приходит в нашу церквушку человек и просит позвать меня. Стоит такой, знаете, строгий, грудь колесом, и говорит: – Я работник тюрьмы. Преступник, приговоренный к смерти, просит кого-нибудь прийти на исповедь. Не согласитесь ли? – Я очень удивился. У нас не было случая, чтобы убийца раскаялся и попросил священника. Значит, сохранилось в нем что-то человеческое. Я сказал: – Конечно согласен. Почему нет?

– Это тот, который ограбил церковные деньги и убил двоих. Ваши деньги, как я понимаю, – сказал посланец. – Это в самом деле были наши деньги на новый приход, наша церковь уж очень была маленькой и старой. Я секунду помедлил с ответом, не потому, что хотел отказаться, а от неожиданности.

– Согласен, конечно, – подтвердил я. – Когда можно прий-

ти?

– Завтра в полдень. Мы заедем за вами.

И вот так я встретил его, на следующий день, как и договорились. Меня привезли в тюрьму и повели по тихому темно-му и вонючему коридору, где располагались камеры смертников. Пахло там кислой прогнившей капустой, дешевым табаком, нечистотами и еще чем-то, трудно было разобрать. Охранник сказал, что будет все время поблизости, на всякий случай, и попросил постучать в дверь, если будет опасность. Я возразил, что лучше не надо, не может делать глупостей раскаявшийся грешник, который готовится покинуть этот мир.

– Тогда постучите в дверь, когда исповедь закончится, – попросил охранник. – Я вам открою.

Охранник открыл тяжелую металлическую дверь, за ней другую, сделанную из стальных прутьев, я шагнул вперед и оказался в камере, слабо освещенной одной тусклой лампочкой. Маленькое окно было закрыто снаружи стальными козырьками, сквозь которые просачивалось очень мало света. На кровати сидел стриженный молодой человек, но на лице его не было уныния. Он очень обрадовался моему приходу, встал навстречу, протянул мне руку и пригласил сесть.

– Прежде чем я вам все расскажу, – заговорил заключенный, – я прошу вас дать слово, что вы никому не расскажете то, что я вам скажу, пока меня не расстреляют, а после – можете рассказать только одному человеку – моей невесте,

можно сказать – жене. А лет так через десять можете рассказать кому угодно. – Я ему ответил на это: – Разумеется, я обязан хранить тайну исповеди, что бы ни было сказано. – А он мне говорит: – Я не собираюсь исповедоваться. И не собираюсь просить отпустить мне грехи. Я в Бога то стал верить только здесь, в тюрьме. – Я очень удивился, и спросил его: – Зачем же вы меня пригласили?

– Потому что мне некому больше рассказать, что произошло. Нет у меня ни родных, ни друзей, да и не допустят ко мне никого. Так вы даете слово, что никому до моей смерти не расскажете то, что я вам расскажу? – И я согласился. Мне и в голову не могло прийти, в какую западню я попаду. Я ведь думал, что перед смертью человек хочет покаяться и предстать перед господом со спасенной душой, что же тут плохого?

Мы сидели рядом на жесткой тюремной кровати и заключенный стал говорить, тихо и вначале без особого чувства, все что наболело на его душе. Я терпеливо слушал и не перебивал, не задавал вопросов и не наставлял на путь истинный.

* * *

Вся эта катавасия, батюшка, началась с того, что я пригласил Милу прогуляться вечером и сходить в кино. Мила – это девушка, с которой я часто встречался в обеденный перерыв в заводской столовой. Уж давно все заметили, что я в нее

влюблен, и слегка подсмеивались надо мной, да и она догадывалась, что происходит. А я все не решался ее пригласить, боялся, что откажет, ведь я все же был рабочий, хоть и учился в вечернем техникуме, а она из конструкторского бюро, и хорошенькая такая, на нее многие засматривались. Ей было двадцать лет, не замужем, скромная, всегда мне улыбалась, ну я и решился. Как-то в пятницу я ей предложил: – Давай, Мила, погуляем сегодня, если у тебя есть время. Такая хорошая погода. – А был июнь, занятия в техникуме закончились, торопиться было некуда. Она сильно смутилась, сказала, что не может, и вообще нам не нужно встречаться. Я, конечно, расстроился, но не удивился. Я ведь ожидал это. Зачем я ей, такой неприметный? Рядом никого не было, мы были вдвоем за столом, и я уже было хотел уйти, как вдруг, она погладила меня по руке и сказала: – Не сердись. Я когда-нибудь тебе все расскажу. – У меня сердце так застучало, я почувствовал ласку в ее словах, в ее руке, и смотрела она на меня так, как будто жалела, что не может со мной встретиться. А потом погладила еще раз по руке, встала и ушла.

В этот день я не мог работать. Со мной вдруг что-то произошло. Все валилось из рук, но настроение не было плохое, наоборот, мне плясать хотелось, и петь, хоть ни того, ни другого я не умею делать. Я ушел пораньше с работы и стал ждать Милу у проходной. Увидев меня, она улыбнулась, ничуть не удивившись, и пошла рядом, как будто так и надо. Мы направились к центру города, на расстоянии друг от дру-

га, я не решался взять ее за руку, робел, я ведь до нее только с девушками из работяг встречался, а с ними все проще: купил бутылку водки, и в постель ее можно, а назавтра даже и не здоровается.

Мила ни словом не обмолвилась о своем обещании рассказать, почему не может со мной встречаться. Так мы бродили до темноты, было весело и легко, и я подумал, что она просто постеснялась сразу согласиться на встречу, может она хотела, чтобы я ее уговаривал, а то ведь так не очень хорошо, что девушка сразу же соглашается на свидание. Она попросила: – Расскажи, Андрей, о себе. Я мало что о тебе знаю. – Я ей рассказал про мое детство.

– Моя мать смолоду болела и не могла работать. Отец работал сборщиком на заводе, очень уставал, и уже в восемь часов вечера ложился спать. Так что я рано пошел на работу, а учебу пришлось заканчивать в вечерней школе, а там что за образование?

Мы шли по одной из центральных улиц, а сзади нас шла гурьба парней, видать, какие-то блатяги, они шумели и матерились, но я ведь не из трусливых, с детства жил в самом плохом районе, в бараках еще со времен войны. Мила, оглядываясь боязливо, схватила меня за руку, а я так этому обрадовался что не смел какое неловкое движение сделать; вдруг отпустит?

– Не обращай внимания, – я ей говорю, – на эту шушеру. А ты училась где-нибудь?

– Я техникум закончила. Сейчас работаю чертежником. Мне очень нравится. Моя работа... – Тут она осеклась, эта бластная компания поравнялась с нами, а Мила смотрит в другую сторону и жметя ко мне. Я не понял, чего она боится, и стал рассказывать о себе.

– Я сейчас учусь в вечернем техникуме. Я любую работу стараюсь делать хорошо. В армии меня взяли в автозвод машины чинить, так я там работал дни и ночи. Когда стараешься делать работу хорошо, ни на что другое времени не хватает. – Я еще ей говорил что много читаю, перечитал многих русских писателей, что друзей у меня нет, потому что очень занят. Я пока еще на должности рабочего, хотя давно мог бы стать техником. Так удобнее, больше времени на учебу, меньше ответственности.

Тут я заметил, что она меня почти не слушает. Она еще крепче вцепилась мне в руку, я оглянулся и увидел, что эта шумная компания смотрит на нас недобро, и хохочет во все горло. Вдруг один из них перепрыгнул невысокий забор газона, наклонился, как будто пытаясь кого-то поймать, и вернулся, держа кошку за хвост. Кошка дергалась, жалобно мяукала, а этот падлюга покрутил ею в воздухе, как веревку, да как треснет головой об асфальт. Кошка завизжала, парни стали громче хохотать, а этот стал стегать кошкой об асфальт, кошка орала, просто жуть, а потом замолкла, а этот все шел рядом с нами, и бил кошку об асфальт, да стук такой был неприятный, и смотрел на меня и на Милу, и ржал, как

конь. Мила все крепче сжимала мою руку и смотрела в другую сторону. Я ей говорю: – Пусти, я ему двину по роже. Я на помойке вырос, мне драться не в первой. А она так боязливо зашептала: – уйдем отсюда, они тебя зарезать могут. Уйдем к набережной, я тебе все объясню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.